

Выбор идеологии развития России предполагает также отказ от других идеологий и концепций: нельзя одновременно идти двумя путями к одной цели. Выбор необходим, даже если вы «отказываетесь от идеологий, как об этом неоднократно заявляли советские и российские деятели — от А. Яковлева до В. Путина, — проповедуя вместо неё прагматизм (который тоже является своего рода идеологией).

Формально такой выбор может быть сделан из пяти основных идеологий, сложившихся еще в XIX веке:

1. Либеральная;
2. Консервативная;
3. Социалистическая (Коммунистическая);
4. Анархическая;
5. Националистическая.

Но это — только формально. Прежде всего, потому что у этих идеологий есть множество разновидностей. Так, если взять, например, идеологию анархизма³⁴, то ее представляют сегодня в том числе и как политическую философию, в основе которой лежит идея о том, что общество «может и должно быть организовано без государственного принуждения». При этом существует множество различных направлений, типов и традиций анархизма, которые часто расходятся в тех или иных вопросах: от второстепенных до основополагающих (в частности — относительно взглядов на частную собственность, рыночные отношения, этнонациональный вопрос)». Так, существуют социальный анархизм, индивидуалистический анархизм, коллективный анархизм, анархо-коммунизм, анархо-синдикализм, анархизм без прилагательных» и т. д. и т. п.

Разнообразие форм, течений и тенденций существует и внутри социалистической (базовой) идеологии. Сегодня это три основных течения (разбавленные различными видами): марксизм, реформизм и анархизм.

Аналогичная ситуация наблюдается и в базовой идеологии консерватизма, которая сегодня имеет множество разновидностей, среди которых есть, на мой взгляд, и очень перспективные, как, например, идеология социального консерватизма. Только в условиях порядка, по мнению социал-консерваторов, могут быть обеспечены подлинная свобода и подлинный прогресс, которые несут не только рост производства качественных товаров и услуг, но и прогресс в социальной, нравственной, духовной сфере. Это подразумевает улучшение качества жизни путём отказа от количественных показателей мнимых благ, путём разумного потребления качественных товаров и услуг, а также приверженность к подлинным христианским ценностям, что сделает саму жизнь более достойной и обеспечит её материалом для развития физического и морального здоровья общества.

В отличие от идеологического консерватизма, имеющего антиглобалистический и националистический характер, в котором отсутствует гибкость и способность трезво взглянуть на суть вещей, социальный консерватизм не ведет политику изоляции от всего мира, не противостоит эволюционному развитию, а старается способствовать укреплению православных ценностей, демократических принципов на глобальной политической арене и положительному развитию стран. По мнению социал-консерваторов, несоблюдение перечисленных выше задач к примеру, в России способствовало бы превращению её в сырьевую колонию³⁵.

2. Прагматизм³⁶ правящей элиты как идеология

Суть прагматизма заключается в том, что понятие предмета отождествляется со связанными с ним практическими последствиями.

Ч. Пирс

Прагматизм полагает, что метод авторитета всегда будет управлять массой человечества.

Кризис либеральной идеологии одним из своих последствий имел не только крах политической и экономической модели, но и стремление уйти от идеологии вообще. От любой — коммунистической, националистической в том числе. В России этот уход превратился в стойкую тенденцию, которую можно назвать «идеологией прагматизма», которая с конца 80-х годов до 2012 года, безусловно, доминировала в стране. Вина либерализма, точнее, кризиса либеральной идеологии, проявилась и в том, как писал известный политолог Ф. Закария, что «...в сознании людей, населяющих современный западный мир,

происходит пугающее смещение смысла демократии и либерализма, либерализма и свободы, свободы и справедливости...»³⁷.

Критерии практичности и полезности применительно к нации — достаточно ограничены и субъективны. Более того, они фактически лишают ее перспективы развития и нравственной основы, игнорируют систему ценностей и традицию. Прагматизм В. Путина, например, имел своим следствием фактический отток капитала из страны, достигавший десятков миллиардов долларов, людей и «мозгов», измерявшихся миллионами человек. Этот «прагматизм»

оказывался для нации не таким, уж и прагматическим — сотни тысяч бывших граждан обосновались в Лондоне, на юге Франции, в Испании, Португалии и в других странах. Они же стали самыми богатыми гражданами этих стран. Британская газета Sunday Times весной 2012 года назвала самых богатых жителей Соединенного Королевства. В первой «тройке» списка, опубликованного в ежегодном бесплатном приложении Sunday Times Richest List 2012, — российские бизнесмены Алишер Усманов и Роман Абрамович.

Владелец «Металлоинвеста» и один из хозяев лондонского ФК «Арсенал» Алишер Усманов, как и год назад, оставил за собой второе место в списке самых богатых жителей Великобритании. Его состояние оценивается в настоящее время в 12,3 млрд фунтов (более \$20 млрд). Владелец ФК «Челси» Роман Абрамович, который однажды уже поднялся на первую строчку списка Sunday Times Rich List, как и год назад, обосновался на третьем месте в рейтинге с состоянием в 9,5 млрд фунтов (около \$15,4 млрд)³⁸.

Прагматизм как философская позиция имеет мало общего с политикой прагматизма, проводимой правящей элитой России в XXI веке. Такой прагматизм, на самом деле, страдал серьезными недостатками, имеющими системный характер:

- прагматизм не отвечал на главные вопросы целеполагания, в результате чего цели формулировались абстрактно, либо вообще не обозначались. Можно сказать, что общенациональные цели и масштабные задачи даже не ставились;
- прагматизм не конкретизировал степени полезности полученных практических результатов, уводя их из общего контекста развития. В этом смысле прагматизм апеллировал макроэкономическими абстракциями, очень далекими от насущных потребностей, что привело в конечном счете к отрыву власти от общества;
- прагматизм элиты в России в XXI веке очень похож на конформизм управляющей элиты, формирующей безнравственность и бездуховность в обществе. Прагматизм превратился в деячество, коррупцию и временизм;
- прагматизм не ориентирован на стратегическое развитие, последовательность и долгосрочные решения. Он ориентировался на краткосрочные цели, «сигналы», исключая масштабные общенациональные задачи;
- прагматизм не способен консолидировать национальные ресурсы для решения крупных задач, провести общественную и экономическую мобилизацию; — и т. д.

Таким образом, «идеология прагматизма» изначально противопоставляется национальной политической идеологии как системе взглядов, стратегическому прогнозу, планированию и управлению как системе действий, акцентируя внимания на субъ-

ективном и авторитарном личностном отношении и подходе к управлению общественными и экономическими проблемами. Такому подходу «система» не нужна. Прагматизм — сам себе система, основанная на субъективизме и личных отношениях, что неизбежно ведет к провалу такой «стратегии».

Наконец, прагматизм по сути исключает даже потребность в национальной самоидентификации, сводя ее в лучшем случае к набору тезисов. Между тем, по меткому замечанию А. Торкунова, «кризис идентичности стал более насущным»³⁹. Что мы и наблюдали вплоть до 2012 года, когда В. Путин попытался в серии статей сформулировать новую повестку дня. Но и в этой попытке, например, концепции «евразийства», прагматизм оставался мощным влиянием, по сути ограничивающимся экономическими условиями перспективы стратегического развития, хотя В. Путин и сказал о том, что «...по сути речь идет о превращении интеграции в понятный, привлекательный для граждан и бизнеса, устойчивый и долгосрочный проект...»⁴⁰.

Формальная идеологическая идентификация России — задача сложная, которая многократно усложняется двумя другими обстоятельствами, а именно:

- во-первых, сложившейся в российском обществе устойчивой привычкой к **конформизму**, откровенному приспособленчеству элиты к любой власти,
- во-вторых, откровенному **антиидеологизму**, **прагматизму**, который стал сначала «идеологией КПСС», провозгласившей устами своего главного идеолога А. Яковлева «деидеологизацию идеологии», а затем стал «идеологией прагматизма» В. Путина.

Подчеркну, что антиидеологизм подразумевает всяческий отказ от какой-либо устойчивой идеологической идентификации с определённой частью политического, экономического, религиозного или этнического спектра. Чаще всего это предпринимается для сугубо прагматических целей, а именно для привлечения ресурсов, включения в свои ряды как можно большего числа людей с самыми разными политическими взглядами, и в конечном счёте, для получения максимально возможного процента голосов избирателей на выборах. Яркая иллюстрация такой идеологии «прагматизма» — политика В. Жириновского, который мгновенно может переориентироваться с одной социальной группы на другую. Другой пример — создание в 2011 году такого широкого объединения, как «Народный фронт». Важно, что такие инициативы, как правило, рассчитаны на краткосрочный политический эффект (после президентских выборов 2012 года «Народный фронт» тихо скончался) и не имеют общенационального или государственного значения.

В 90-е годы XX века подобный идеологический прагматизм стал модным для постсоветской элиты, которая его открыто пропагандировала. Различные

социальные группы ориентировались на эту «идеологию антиидеологии» — от руководителей бывших советских республик и чиновников до хозяйственников и представителей бизнеса и силовых структур. Именно тогда стали популярными «хозяйственники» — Ю. Лужков, В. Черномырдин, А. Шаймиев и пр., которые вышли на первый план в политике.

«Отсутствие идеологии» было своего рода страховкой в случае, если бы победила одна из идеологий — либеральная, либо коммунистическая, либо какая-то еще. Только Ю. Лужков попытался в начале XXI века объединить прагматизм и конформизм с социал-демократией. Что примечательно, — появление такой идеологической формулы было востребовано и едва не привело его к власти.

В XXI веке, при В. Путине и Д. Медведеве, идеология прагматизма стала способна на время консолидировать нацию и элиту, включая в процесс укрепления государства и либералов, и коммунистов, но, прежде всего, чиновников и силовиков как главного социального слоя — носителя «антиидеологии». Но эта идеология была, возможно, необходима для короткого периода стабилизации, в особенности, пребывания В. Путина на посту Председателя Правительства РФ в 2000 году и в течение его первого президентского срока. Тогда нужно было решать задачи сохранения государства в режиме цейтнота, мгновенно реагировать на возникавшие угрозы. Очень образно о причинах возникновения прагматизма В. Путина написал М. Леонтьев: «Вместо того, чтобы почувствовать колоссальную ответственность, там почувствовали колоссальную безответственность: гуляй рванина — от рубля и выше... Как говорил Борис Абрамыч Березовский, мы заплатили три миллиарда за выборы Президента России в 1996 году, и теперь мы должны этой страной владеть. Всякая олигархическая истерика имела целью шантаж слабого, уязвимого Ельцина с целью полного завоевания его воли и тела, кусков собственности и полномочий.

Это воры, боящиеся разоблачения, которые, как только у них возникнут проблемы внутри страны, тотчас обращаются за помощью „наружу“. Удивляюсь, как мы вообще из этой „чёрной дыры“ вылезли. Произошло обычное „русское чудо“. Как в 1612 году. И как в сталинскую эпоху, когда — страшной ценой — страна была спасена от ухода в небытие. До большевистской революции Россия была европейско-азиатской страной. Большевики втоптали ее в глубокую и дикую Азию: эту страну можно было собрать только азиатскими тамерлановскими методами. Или никак...»⁴¹.

Подобная вынужденная рефлексивная политика, да еще при отсутствии собственных кадров, не допускала ни системных, ни идеологических действий, ни роскоши политической идентификации. Нужно было привлечь всех государственников от коммунистов до либералов под знамена внутриполитической «стабилизации». Собственно говоря, в то

время идеология прагматизма носила оправданно вынужденный характер, а «образ России» вырисовывался очень просто — восстановление функций и единства государства, сохранения нации и решения острейших, самых неотложных проблем.

По мере решения проблем стабилизации и устранения наиболее острых угроз стала появляться потребность в концепциях и планах развития, в основе которых могла быть опять же идея прагматизма — «макроэкономическая стабилизация». Она, в принципе, не предполагала развития, исходя из неверной посылки, что сама по себе финансовая стабилизация создаст благоприятные условия для рыночного развития и решит все экономические, социальные и политические проблемы. Между тем, даже для бизнеса прагматизм — плохая теория. Как справедливо заметили российские эксперты, «любые рынки формируются поначалу на основе складывающихся традиций...»⁴². Прагматизм, же, изначально отвергает не только идеологию, но и традиции. В том числе национальные.

Соответственно и практически все политические партии, даже те из них, которые назывались «идеологическими» (КПРФ, «Выбор России», НДР и т. д.), несли на себе отчетливое влияние прагматизма и антиидеологии. Так, в 1995 году выборы КПРФ в Государственную Думу проходили под вполне прагматическими лозунгами, а в головную часть федерального списка были включены не члены партии (5 из 12). Но ведь то же самое было и с НДР. Более того, даже в 2007–2011 годы лидер «Единой России» В. Путин и президент Д. Медведев не являлись членами партии.

Таким образом, прагматизм превратился в разновидность идеологии, пригодной для переходного периода и восстановления экономики. Этот период завершился к 2007–2008 годам, и вопрос об идеологии развития, выборе такой идеологии, объективно вновь обострился⁴³. Появление долгосрочных концепций, стратегий и доктрин в массовом порядке (более 100) свидетельствует о возникновении объективной практической потребности. Как и дискуссия о «суверенной демократии», осторожные попытки «Единой России» разработать различные варианты такой идеологии. Это и понятно, ведь осуществлять стабилизацию политической системы и экономики в чрезвычайных условиях без идеологии трудно, но можно, а вот двигаться вперед, развиваться — точно нельзя. Россия в 2007 году стала «другой страной». Об этом ясно сказал в своей статье в феврале 2007 года в газете «Коммерсант» тогда еще первый вице-премьер Д. Медведев. К сожалению, с того времени вплоть до начала 2012 года ничего в этой области не изменилось. Как признал в январе 2012 г. С. Миронов, «последние десять лет российская власть поддерживала стабильность. Но эта политика полностью исчерпала себя. Чтобы успеть за временем, надо включаться в перемены»⁴⁴.

По большому счету, даже кризис 2008–2011 годов не повлиял радикально на этот процесс, в т. ч. разработку адекватной стратегии национального развития. 2011–2012 годы отчетливо показали, что такая стратегия не может не быть идеологической. Даже те «1000 экспертов», которые к марту 2012 года «скорректировали» «Стратегию–2020», были вынуждены ее по-своему идеологизировать, назвав ее «новой социальной моделью развития».

Сегодня ситуация усугубляется с ускорением процесса национальной самоидентификации⁴⁵, незавершенность которого осложняет не только формирование национальной идеологии, но и управленческий процесс.

Таким образом, к началу второго десятилетия XXI века проблема **выбора идеологии из широкого спектра** существующих идеологий так и не была решена. Не была решена она и позже. И не случайно. На мой взгляд, тому было, по меньшей мере, две основные причины.

Во-первых, незавершенность процесса национальной самоидентификации и переходного периода, крайне неудачные решения 90-х годов, «деидеологизация» общества, которые являлись **следствием «ухода» элиты, власти и государства из идеологии**. Нация, общество и государство оказались предоставлены сами себе. Прагматизм, как идеология, не смог сам по себе ответить на важнейшие нравственные и социальные вопросы, оставляя ответы на них «на потом». Дискуссия 2011–2012 годов показала, что он себя полностью исчерпал, ведь эта дискуссия, инициированная западниками-либералами, показала их силу как идеологов и слабость власти как прагматиков.

Во-вторых, российская специфика выражается в том, что Россия не просто страна, даже великое государство, — это **цивилизация, существующая много столетий**. Это самое старое государство современной Европы, граничащее не просто с множеством других стран, но и с основными мировыми цивилизациями — китайской, европейской, исламской. И поэтому к ней не применимы прежние формальные идеологические модели, либо их разновидности, которые так и не прижились ни в советское время (западноевропейская коммунистическая идея), ни в период радикальных реформ (неолиберализм 80-х и 90-х годов). Но не применима к такой цивилизации и идеология прагматизма: нации нужны великие цели и ответы на нравственные вопросы, без которых она перестает быть нацией — цивилизацией. Соответственно и «образ России» не может быть сформирован, основываясь на классических идеологиях или их отсутствии. Попытка КПСС или либералов провалилась, а других — даже не предпринималось.

Поэтому следует, на мой взгляд, выделить ключевые проблемы, от решения которых зависит как выбор идеологии (либо ее создание), так и самоидентификация

нации. Как показывает история последних 25 лет, это проблемы, имеющие не только идеологическое, но и прикладное (политическое и экономическое) значение. В зависимости от отношения к ним, признания их приоритетности и способов решения будет решен вопрос о выборе идеологии. На мой взгляд, такими главными проблемами стали:

1. **Проблема отношения к государству**, его роли в политической, экономической и социальной жизни нации. За последние 25 лет эта роль рассматривалась как полярно противоположная в различных идеологиях — от подходов либеральной (А. Яковлева, Е. Гайдара, А. Козырева) до ультраконсервативной (А. Макашова, С. Бабурина, Г. Зюганова). История постсоветской России развивалась во многом по сценариям, доминирующего в этом вопросе либерального подхода: постепенно «либеральный рывок» начала 90-х выдохся, но влияние его сильно и сегодня не только в экономике и финансовой области, но и в идеологии. Можно констатировать, что и сегодня российская элита до конца не определилась по этому вопросу. Во всяком случае либерально-консервативные шараханья продолжают до сих пор в реальной политике.

Кроме того, этот выбор неизбежно будет означать выбор между государством — нацией, которые традиционно существуют в Европе с XVII века, и государством — империей, которое существует в России–СССР вот уже многие столетия. Этот выбор относится не только к выбору национальной политики, но и государственного устройства, а в целом, — будущей модели государства.

В этой связи очень перспективной представляется постепенное формирование политической идеологии нового евразийства, которой дал толчок в своей статье в октябре 2011 года В. Путин. Во всяком случае, на мой взгляд, она дает ответы не только на вопросы о пространстве, национальной идентичности, традициях, будущем образе, но и о том, какие институты надо для этого развивать.

Кроме того, евразийская интеграция не может быть только экономическим процессом. Нужна прежде всего политико-идеологическая модель будущего, образ, единое информационное, гуманитарное и социальное пространство, т. е. **система** целей и действий, органически связывающая между собой все элементы.

2. **Проблема социальной, политической и национальной ответственности**, которая также встретила за последние 25 лет абсолютно противоположные точки зрения — от полного игнорирования социальных потребностей до придания им псевдоприоритетного характера в последние годы. И здесь мы наблюдаем то же самое — от

раздачи собственности и ухода в офшоры до критики «оффшорной аристократии» и угроз В. Путина в их адрес.

Идеология прагматизма вряд ли способна решить эту проблему: трудно внушить коррумпированной и безнравственной элите, а тем более той её части, которая выросла за последние 25 лет, чувство ответственности. И не только социальной, но и гражданской, наконец, ответственности перед будущим нации.

3. **Проблема главных движущих сил общества**, недооценка роли креативного класса и потенциала человеческой личности (человеческого капитала), которую фактически игнорировали до последнего времени все политические силы и представители элиты. Только в самые последние годы наметились отдельные программы (прежде всего, в области образования, науки, информатики), которые в незначительной степени исправляют абсолютное игнорирование потребностей креативного класса — учителей, ученых и т. д. Что отчетливо проявилось в протестных акциях 2011–2012 годов, когда именно представители креативного класса («норковые оппозиционеры») составили большинство протестующих.

4. **Проблема сохранения идентичности в условиях глобализации.** Эта проблема, обострившаяся в период кризиса 2008–2011 годов не только в России, но и в других странах, особенно важна именно для России, которая, повторю, является не просто нацией и государством, а самобытной цивилизацией, существующей де-факто как империя. Она должна сохранить свою идентичность в условиях глобализации. В противном случае она потеряет не только цивилизационную самобытность, но и суверенитет и единство.

Этот выбор означает в том числе и выбор между приоритетами Евразии или Евроатлантизма, отношения к которым по-разному проявляется в российском обществе. Поиск оптимальной модели сегодня — самая актуальная задача, — которая может быть решена синтезом евразийства и евроатлантизма. Главным результатом такого синтеза может стать повышение уровня сотрудничества при стремительно нарастающем хаосе. В этом смысле прав З. Бжезинский, который сказал: «В моем понимании, нынешнее столетие не выльется в гегемонию одной державы, как это произошло в XX веке. Это будет столетие, которое сильно пострадает от массивного глобального беспорядка, если главные регионы мира не добьются конструктивного сотрудничества, и в этом случае наши возможности решения глобальных проблем существенно сократятся. Выбор для XXI века заключается не между гегемонией и миром, а между хаосом и сотрудничеством»⁴⁶.

5. **Проблема государственного устройства**, которую можно также назвать следующим образом: демократия — цель или средство?

Взгляды российской элиты на эти главные проблемы способствовали развитию российского общества последние 25 лет, т. к. в зависимости от системы взглядов (идеологии) правящая элита в разной степени адекватности оценивала национальные интересы, формулировала цели и выбирала стратегию их достижения. Соответственно (возвращаясь к рисунку, описывающему модель идеологии), именно правящая элита субъективно трактовала с той или иной степенью адекватности национальные интересы, превращая их в цели национальной политики.

Вообще-то категория «национальный интерес» требует особых пояснений. Не вдаваясь в детали, сошлюсь на признанного авторитета М. Хрусталева⁴⁷. Важно подчеркнуть дуалистическую природу интереса: объективную в виде потребности и субъективную в виде ее осознания. Поскольку когнитивные возможности сознания всегда ограничены (невозможность познания абсолютной истины), то в процессе осознания всегда в большей или меньшей мере проявляются различного рода ошибки и недостатки. При этом чем дальше социальные (нравственные, духовные в том числе) потребности удаляются от биологически детерминированных, тем важнее становятся интеллектуальные качества элиты для их адекватного осознания.

Социальная революция 90-х годов прошлого века объективно поставила задачи чрезвычайной сложности, решить которые относительно эффективно (не говоря уже идеально) могла только очень качественная, профессиональная элита, обладающая следующими обязательными атрибутами:

- профессионализмом (опытом, знаниями);
- интеллектом (соответствующим образованием и научной подготовкой);
- нравственностью (стремлением служить идеалам общества и государства);
- способностью к стратегическому прогнозу и планированию (прежде всего способностью прогнозировать последствия принимаемых решений).

Ни одним из всего набора этих качеств в большинстве своём элита 90-х и нулевых годов не обладала. Как правило, это были идеалисты-революционеры, либо бюрократы, не обладавшие практическим опытом и, конечно же, не способные быть государственными деятелями (хотя разные исключения и случались). Соответственной была и адекватность их системы взглядов и принимаемых решений.

Причем степень такой адекватности в некоторые периоды вообще вызывала сомнение. Так, в начале 90-х годов всеобщее отрицание встречал даже сам термин «национальные интересы». В результате, как известно, реализация де-факто избранной либеральной идеологии (системы взглядов) привела к катастрофическим глобальным последствиям — развалу

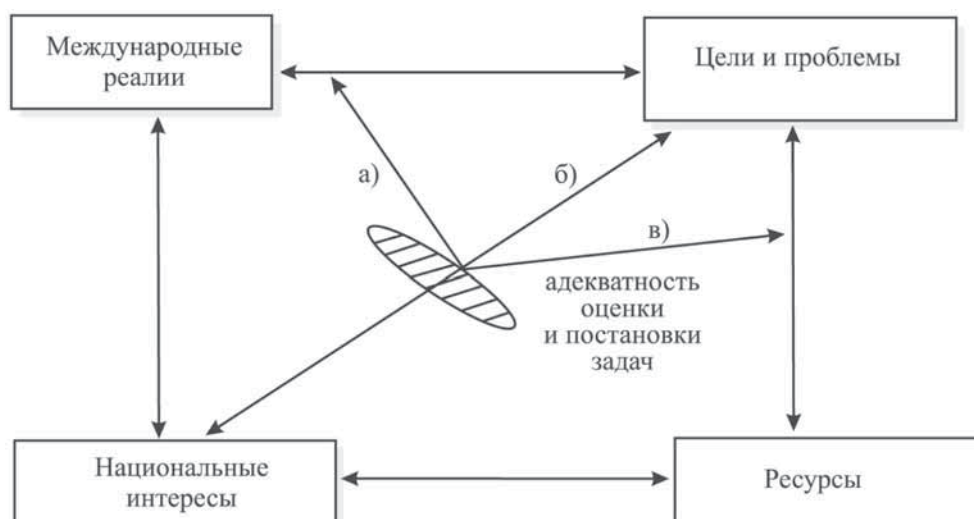

Рис. 2.

страны, гибели миллионов граждан, экономическому коллапсу. И виновата в этом, прежде всего, молодая российская элита, избравшая в качестве идеальной идеологической модели неолиберализм, сменивший на Западе в 80-е годы ту идеологическую систему, которая, в принципе, была неспособна адекватно оценить объективные интересы нации и государства.

Возвращаясь к формуле М. Хрусталёва,

интерес = потребность + осознание

мы увидим, что самой главной причиной катастрофы 90-х годов стала **субъективная причина** — неспособность элиты адекватно оценивать национальные интересы, ее неверный стратегический идеологический выбор. В данном случае — «вектор а», — ориентированный исключительно на реалии глобализации (Рис. 2).

Именно неадекватная оценка национальных интересов российской элитой привела к формулированию ложных целей во внешней и внутренней политике, созданию искусственного политического идеала (неолиберального государства), которое стало самоцелью и **главной ценностной** категорией правящей либеральной элиты 90-х годов. Национальная катастрофа — стала последствием такого неверного идеологического выбора.

Эти ложные приоритеты и цели не только в целом сохранились в нулевые, но и, трансформировавшись на время в идеологию «прагматизма», благополучно перекочевали во второе десятилетие XXI века. С внедрением в эту идеологию традиционных ценностей России. «Собственная, национально-своеобразная модель демократии», по А. Торкунову, включала два разнородных основания — принципы классической западной демократии и традиционные представления. Борьба между этими «разнородными основаниями» и составляла суть политических противоречий, всплеснувших на улице в декабре 2011 года.

К сожалению, правящей элите не удалось к этому времени сформулировать сколько-нибудь внятную национально-демократическую или иную модель. Шараханья между этими противоречиями — отличительная черта всего политико-идеологического процесса в период президентства В. Путина — Д. Медведева.

Ложная идеология и некачественная элита к 2012 году создала серьезные политические проблемы. Их ложность, как и неадекватность элиты, стали ясны достаточно быстро, уже к середине 90-х годов, но исправить ложный политический идеал и сменить неадекватную элиту можно было только **новой социальной революцией** или **контрреволюцией**. Общество этого сделать не смогло: **России предстоял долгий эволюционный путь, растянувшийся на десятилетия.**

Были ли другие варианты идеологий? Теоретически — да. Если вектор «б» можно назвать относительно адекватной оценкой элитой национальных интересов (идеальной, наверное, не существует) и более-менее точное формулирование целей внешней и внутренней политики (при адекватном учете имеющихся ресурсов и международных реалий), то необходимо признать (и результаты об этом свидетельствуют), что российская элита в 1990-е годы, выбрав вектор «а», повела себя неадекватно, ориентируясь на западные (неолиберальные) ценности и не учитывая собственные национальные интересы.

Другой вариант возможной неадекватности поведения элиты — идеологическая система, вариант «в» — это национализм и изоляционизм, опора исключительно на самостоятельные ресурсы и национальные ценности. Этот вариант развития за последние 20 лет не получил, но его сторонники сохраняются, как в правящей элите, так и в обществе. Пусть в меньшинстве, но они существуют, представляя широкий спектр оттенков.